

ВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ

Копоть Лилия Владимировна,

Адыгейский государственный университет,
филологический факультет, кафедра русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Майкоп, Россия,
ORCID: 0000-0002-2501-4762,
E-mail: kopot79@mail.ru

Для цитирования: Копоть Л. В. Вербальные формы трансляции гендерной асимметрии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 134-142. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10309

Аннотация

Цель статьи заключается в изучении особенностей вербализации гендерной асимметрии и гендерных стереотипов в русской лингвокультуре. Выявлены тематические блоки, в которых реципиенты определяют свою гендерную идентичность, моделируют нравственное, ценностно-ориентированное состояние через вербально транслируемые: 1) «ценности»; 2) «оценку»; 3) «чувства»; 5) «интересы». Описаны грамматические формы мужского рода существительных, прилагательных, глаголов, указывающие на агендерность индивидов, не укладывающуюся в «прокрустово ложе» общепринятых норм существования биологического и социального пола. Рассмотрены европейские концепции квир-идентичности Элизабет Гросс, Терезы де Лауретис, Ив Кософски Сэджвик, приобретающие особую актуальность в связи с деконструкцией гендера и, как следствие, массовым узакониванием однополых браков во многих странах Европы и отдельных штатах США. Отмечены характеристики собирательного образа атипичной женской языковой личности, реализованные при помощи доминирующих эмотивных средств на уровне лексики и синтаксиса. Делаются выводы о том, что в целом речевой портрет героинь соответствует типичным гендерным представлениям о женщинах, он эмоционально окрашен благодаря разговорной, жаргонной лексике, наличию конструкций, среди которых: единицы, подвергшиеся усечению; оценочная негативная лексика; аббревиатуры; иноязычная лексика; новообразования. На синтаксическом уровне проанализированные приемы экспрессивного синтаксиса, некатегоричность речи, несмотря на заявленный ранее агендер, придают речи «женскость», эмоциональность, хаотичность мышления. Отмечена причастность к субкультуре чайлдфри, что в целом отличает представи-

телей субкультуры от индивидов традиционного фемининного типа, как правило, желающих оставить после себя потомство.

Согласно наблюдениям, у большинства мужчин андрогинов нечеткие вербальные границы гендерной идентичности, что свидетельствует, во-первых, об отсутствии точного терминологического аппарата для людей с гендерной асимметрией; во-вторых, информирует о нечетких представлениях собственной гендерной идентичности; в-третьих, позволяет идентифицировать сексуальные роли партнеров в отношениях. Научная новизна исследования заключается в вербальном анализе данных сайтов знакомств, а также блогов, интервью известных людей, открыто позиционирующих себя как представителей с нетипичной гендерной идентификацией личности.

Ключевые слова:

квир-лингвистика, квир-идентичность, маскулинность/фемининность, гендер, гендерная асимметрия, гендерные стереотипы.

UDC 81'1

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10309

VERBAL FORMS OF THE TRANSMISSION OF GENDER ASYMMETRY

Kopot Liliya Vladimirovna,

Adyghe State University,
Philological Faculty, Russian Language Department,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Maikop, Russia,
ORCID: 0000-0002-2501-4762,
E-mail: kopot79@mail.ru

To cite this article: Kopot, L.V. (2019). Verbal'nye formy translyacii gendernoj asimmetrii (na primere Sverdlovskoj oblasti) [Verbal Forms of the Transmission of Gender Asymmetry]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 134-142. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10309

Abstract

The aim of the present research is to study features of verbalization of gender asymmetry and gender stereotypes in the Russian culture of language. Data of lesbian dating sites, as well as blogs, an interview of the famous people who are openly positioning themselves as representatives with atypical gender identification of the personality, serving as a material of this research, are analyzed.

Thematic blocks are revealed, in which recipients define the gender identity and simulate a moral and value-oriented state through verbally transmitted (1) "values";

(2) “assessment”; (3) “feelings”; and (4) “interests”. The article describes the grammatical forms of a masculine gender of nouns, adjectives and verbs pointing to neutral gender of individuals, which is not keeping within “Procrustean bed” of the standard norms of existence of a biological and social gender. The publication examines the European queer identity concepts of Elisabeth Grosz, Teresa de Lauretis and Eve Kosofsky Sedgwick acquiring special relevance in connection with gender deconstruction and, as a result, mass legitimation of same-sex marriages in many countries of Europe and separate states of the USA. The characteristics of a generalized image of the atypical female language personality implemented with the help of the dominating lexical and syntactic means of the emotivity expression are noted. The conclusion can be drawn that in general the speech portrait of heroines meets typical gender expectations of women, it is emotionally charged thanks to colloquial, slangy lexicon, existence of constructions among which are units which underwent truncation; estimated negative lexicon; abbreviations; foreign-language lexicon; and neologisms. At the syntactic level the analyzed means of expressional syntax, nonjudgmental speech, despite stated earlier gender-neutral, give to the speech “womanlike nature”, emotionality and randomness of thinking. Involvement in child-free subculture is noted that in general distinguishes representatives of lesbian culture from individuals of traditional feminine type, as a rule, of persons interested to leave posterity behind.

According to observations, most of men androgynes have indistinct verbal limits of gender identity that demonstrates, first, lack of an exact term framework for people with gender asymmetry; secondly, informs on indistinct representations of own gender identity; and thirdly, allows identification of sexual roles of partners in the relationships

Keywords:

queer-linguistics, queer-identity, masculinity/femininity, gender, gender asymmetry, gender stereotypes.

Введение

Квир-лингвистика, как отрасль гендерной лингвистики, впервые возникла в Европе и связана она, прежде всего, с концепциями квир-идентичности Элизабет Гросс, Терезы де Лауретис, Ив Кософски Сэдживик.

Актуальное звучание данные концепции в русле исследования приобретают в связи с деконструкцией гендера, принятием однополых браков на законодательном уровне (Дания, Голландия, Бельгия, Великобритания, Франция, Америка и др.), что связано в современном обществе с феноменом гомосексуальности и транссексуальности.

Степень разработанности проблемы

Термин *квир* «странный, иной» принадлежит Терезе де Лауретис, которая первой ввела данную дефиницию в научное обозрение применимо к женской гомосексуальности. Далее термин стал использоваться для всех иных гендерных ролей, не укладывающихся в «прокрустово ложе» традиционной бинар-

ной гендерной оппозиции (Жеребкина, 2001). Имена Терезы де Лауретис и Ив Кософски Сэдживк связывают с концепцией женской и мужской гомосексуальности, которую во многом продолжает современный феминистский философ Элизабет Гросс, дополнившая данную концепцию идеей об «экспериментальном желании» индивида.

Согласно точке зрения де Лауретис, лесбийская субъективность является разновидностью квир-субъективности, исходя из этого автор подвергает критике сущностные учения о лесбийской сексуальности и вводит множественный критерий, тем самым уйдя от традиционных концепций. Это, по ее мнению, способствует преодолению границ традиционных социосексуальных идентичностей, разделяющих общество, тела и дискурсы (Жеребкина, 2001).

Ив Кософски Сэдживк (1990), выдвигая свою концепцию квир-идентичности, стремится узаконить гомосексуальные дискурсы в культуре, стремясь обозначить лесбийский дискурс как нормативный, не являющийся чем-то девиантным. Сэдживк, узаконивая гомосексуальный дискурс в культуре, в то же время считает, что он не существует независимо от гетеросексуальных типов дискурса (с. 86). По ее мнению, это дает возможность любому, независимо от сексуальной идентичности, присоединиться к квир-субъективности.

Теория квир-субъективности Элизабет Гросс (1995) заключается в понимании квир как атипичной, трансгрессивной сексуальности (с. 207–227), возникающей в процессе осмысления различных практик как гетеросексуальной, так и гомосексуальной структуры субъективности. В ее основе – конструкция «экспериментального желания», позволяющая не следовать любым застывшим идентификационным моделям: гетеросексуальным или гомосексуальным. Именно поэтому благодаря этой концепции появляется необходимость избежать традиционных бинарных гендерных оппозиций мужского и женского.

В отечественном языкознании в начале XXI века появляются научные работы (Кон И. С., 1998; Жеребкина И. А., 2001; Горошко Е. И., 2004), поднимающие проблему нетипичной гендерной идентификации. Показательно, что терминологический аппарат по данной проблеме, по сути, отсутствует в российской науке, а тот, который существует, априори выстраивает систему дефиниций относительно «нормативного», гетеросексуального дискурса, и соответственно определяет гендерную принадлежность в пространстве все той же дихотомии маскулинность/фемининность (Горошко, 2004, с. 246; Першай, с. 1).

Особенностями речевого поведения индивидов с нетипичной идентичностью в Европе занимались Cameron и Kulick (1999, 2002, 2003). В отечественной лингвистике большая заслуга в этом направлении принадлежит профессору Е. И. Горошко (2004), которая провела большое количество лонгитюдных экспериментов, позволивших расширить представления исследователей о «функционалировании образов сознания в гомогенной интракультурной среде» (с. 248).

Цель исследования – изучение особенностей вербализации гендерной асимметрии и гендерных стереотипов в русской лингвокультуре.

Методология исследования

В ходе работы применялся сравнительный анализ исследований по проблеме, систематизация, а также статистический метод обработки результатов.

Результаты исследования

В качестве объекта исследования рассматривались многочисленные нетипичные объявления сайта знакомств, интервью, блоги хорошо известных, публичных людей (Кирилл Садовый, Стас Федянин, травести-дива Монро и др.), позиционирующих себя открыто как представителей с нетипичной гендерной идентификацией личности.

Гендерная специфика записей проявляется в следующих характеристиках изображения частной, повседневной жизни: прогулки, беседы, приятное времяпрепровождение, отношения, разделение увлечений: *«люблю долго гулять, интересуюсь музыкой, психологией»; «люблю поболтать за жизнь, обсудить всякое: от восстания искусственного интеллекта до карт таро и маятников. Читаю в основном популярную психологию...»; «хотелось бы (вдруг повезёт?) найти кого-то для лёгких романтических встреч»; «умею готовить, создавать уют, вести беседу»* (Би-сообщество).

Собирательный образ атипичной женской языковой личности может быть представлен в виде эмоциональности, реализованной при помощи доминирующих эмотивных средств как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса. На уровне лексики авторы нередко обращаются в текстах объявлений к оценочной лексике, экспрессивно окрашенной: *«желаю встретить ту самую»; «найду общий язык с такой же воздушной натурой»; «ищу я нечто странное», «желание найти кого-то, кто со временем станет мне весьма близким и родным»* (Би-сообщество).

Речевой портрет героинь в целом соответствует типичным гендерным представлениям о женщинах, он эмоционально окрашен благодаря разговорной, жаргонной лексике, языковая личность вполне соответствует времени. Найдено много разговорных конструкций, среди которых: 1) единицы, подвергшиеся усечению: *спец* (специалист), *интерсек* (интерсексуалка), *личка* (личная почта); 2) жаргонизмы: *движуха*, *обнимашки*; 3) оценочная негативная лексика: *сраное мнение*; *хз*; *статусы стебные*; *чертовы дни*; 4) аббревиатуры: *хз*; *бомж*; 5) иноязычная лексика: *плиз*, *сорри*, *фейк*, *взлом*; 6) новообразования: *снежиночное настроение*, *не надо снежиночности*, *фейковый*.

На синтаксическом уровне авторы объявлений используют приемы экспрессивного синтаксиса, тем самым, несмотря на заявленный ранее агендер, придавая речи «женскость», эмоциональность, хаотичность мышления.

1) Риторические восклицания: *«Ищу нечто странное!»*

2) Риторические вопросы: *«Устроим друг другу праздник? Почему бы и нет? К чему эти условности?»*

3) Парцелляция: *«Устроим друг другу праздник? Такой, чтоб запомнился надолго; 33 года пребываю в поиске. Именно Той. Уже подустала».*

4) Предложения с вставными конструкциями: *«...когда другие так говорят (вербальность наше все), прикосновения, творческих людей (особенно которые играют и/или поют)».*

5) Неполные предложения: *«Вспомнила и решила написать. Пароль все же вспомнила. Думала, что уже забыла».*

6) Можно отметить некатегоричность речи, проявляющуюся в преобладании модальных конструкций, выражающих различную степень предположительности, неопределенности: *«Это будет странная анкета, наверно. Характер у меня*

не сахар, конечно. Едем пить, танцевать, возможно, флиртовать и отдыхать от этих чертовых рабочих дней».

Исследуя речь авторов писем, выделяем следующие текстовые лексико-тематические группы, позволяющие гендерно «выстроить» нравственное, ценностно-ориентированное состояние героинь.

1) «Ценности»: *«ищу свободных отношений; мечтаю о романтических встречах».*

2) «Оценка»: *«мой рост 180 см, фигура plus-size модели. Любители стройности могут закрыть мою анкетку и проследовать далее. Характер у меня не сахар, конечно. Мне важен человек, посему смотрю только на содержимое. Но опрятность, чувство стиля и аккуратность тоже как плюсики к многогранному портрету собеседника. Ежели такое разнообразно ориентированное тепло, как я, вас заинтересовало, то...»*

Очевидно, что при помощи слов этой группы происходит оценка восприятия окружающего мира авторами, в основе которой – сознательно и интуитивно выделяемые качества.

3) «Чувства»: *«люблю поговорить, секс, гулять под луной, не люблю тащить слова клещами; импульсивная, живу эмоциями, впечатлениями, чахну в рутине, мечтаю о заоблачных далях».*

4) «Интересы»: *«снимаю на пленку людей; разбираюсь в искусстве; насирую гитару по ночам; умею немного говорить по-японски».*

Показательно, что далеко не все участницы соотносят себя с индивидом, выполняющим традиционную гендерную женскую роль. Достаточно часто там можно встретить нетипичную гендерную идентификацию, представленную вербально в форме мужского рода, что противоречит выводам Д. Кулика (1996), который пишет, что женский гендер фиксирован: «Женщины-трансвеститы (и среди них даже самые грубые, мужеподобные лесбиянки) никогда о себе в мужском роде не говорят (Горошко, 2004, с. 246). Иллюстрацией наших наблюдений являются слова Е. Сараевой (2014) о том, что в лесбийской субкультуре похожие инверсии встречаются относительно реже, но все-таки бывают (с. 260). Нами найдены следующие вербальные примеры, через формы мужского рода (глаголов, прилагательных, существительных, местоимений, числительных) свидетельствующие о соотношении себя с андрогинным типом.

1. Демонстрация гендерной асимметрии при помощи глаголов: «Я давно не *знакомился* таким образом»; «Что ж, никогда *не умел* одеть в лирику и брачные объявления»; «По происхождению наполовину *германец*, на вторую – *еврей*, родился в Гамбурге, биологически всё плохо, но гендер мужской; назовёшь в ж. р. – получишь в глаз, пою в пяти с половиной октавах, баритон, очень *злойный и придирчивый* в музыке» (Би-сообщество).

2. Посредством прилагательных в речевой практике данных объявлений воссоздана сексуальность индивида: «*Фэндомный, увлекающийся, творческий*»; «Я достаточно *честен* по отношению к себе и знаю, насколько *непривлекательным* являюсь»; «*Склонен* к перемене мест (даже автостопом *катался* в одно время)» (Би-сообщество).

3. В качестве грамматической идентификации гендера выступают числительные: «и готовить на двоих, потому что для себя *одного* неинтересно. Признаться, *один* я и сплю плохо» (Би-сообщество).

4. Отметим, что местоимения гораздо реже используют авторы для реализации понимания не биологического, а социального пола: «*Сам из города, при этом в ближайшее время уезжать не намерен*» (Би-сообщество).

5. Гендерная асимметрия авторов, их инаковость проявляется вербально, при этом опора осуществляется на традиционную бинарную оппозицию фемининного/маскулинного типа: «пол *женский*, называть в *мужском* роде»; «Агендер, пол *женский*, называть в *мужском* роде»; «Я *девушка*, 28 лет (выгляжу младше), сапиосексуал, чайлдфри, *переболел* аниме, косплеем, соционикой. *Неизлечим* от «Sherlock BBC». *Умелец* на все руки. Пишу в интернетах от *мужского* рода, но это не константа – могу вести себя иначе. В жизни *женского* рода» (Би-сообщество).

Отметим, что нередко (в 70 из 300 проанализированных анкет) авторы объявлений отмечают свою причастность к субкультуре чайлдфри (от англ. *childfree* – «свободный от детей»). Подобное заявление в целом отличает представителей данной культуры от представительниц традиционного фемининного типа, как правило, желающих оставить после себя потомство.

По нашим наблюдениям у большинства мужчин андрогинов нечеткие вербальные границы гендерной идентичности. Так, глагольные формы мужского и женского перемежаются в речи. Например, в исполнении одного автора в пределах тематически единого текста возможны следующие конструкции: «Когда *приехал* домой, брат Макс жестоко меня избил»; «Я *бедная студентка*, откуда у меня деньги на колготки?»; «Кто я? Еще *не определилась*» (Девочка в теле мальчика).

Отметим, что мужчины андрогины, рассказывая о своем детстве, семье, предпочитают использовать маркированную родовую лексику: «Я *испытал* физическое воздействие со стороны брата и *попал* в больницу»; «Сейчас я *переехал* в центр Москвы, это разная Москва: центр и окраина»; «Я *снял* ролики, за которые мне сегодня стыдно» и т. д. (Девочка в теле мальчика). Это наблюдение созвучно выводам ученого Д. Кулика (1996), который отметил, что «переключение с мужских на женские родовые формы и наоборот зависит и от той социальной роли, которую в данный момент «исполняет» мужчина-травести» (Горошко, 2004, с. 246). При этом, повествуя о сегодняшней жизни, употребляют грамматические формы женского рода: «Сегодня я совершенно *счастлива*, занимаясь собой и любимым делом» (Девочка в теле мальчика).

Однако есть примеры и совершенно органичного исполнения женской роли: во время объемного интервью травести-дива Монро ни разу не употребила форму мужского рода независимо от темы беседы: «*Уверена*, что моя мама хотела другой судьбы своему ребенку»; «в подростковом возрасте я... *познакомилась* с творчеством Ру Пол...» (Истинная женщина в мужском теле).

Заключение

Подобная релевантность, очевидно, свидетельствует, во-первых, об отсутствии точного терминологического аппарата для людей с гендерной асимметрией; во-вторых, информирует о нечетких представлениях собственной гендерной идентичности; в-третьих, позволяет идентифицировать сексуальные роли партнеров в отношениях. Отметим, что вербальные формы трансляции гендерной асимме-

три реализуются в грамматических формах рода русского языка, позволяющих косвенно определить нетипичную гендерную идентичность. Показательно, что ценностно-ориентированное поле представлений женского пола мало чем отличается от эмоциональной сферы представительниц традиционного фемининного типа. Исключением является нежелание продолжать род. Перспективы дальнейших исследований определяются изучением таких проблем, как: 1) уточнения терминологического аппарата; 2) расширения ценностно-смыслового поля реципиентов; 3) языкового выражения гендерной асимметрии и гендерных стереотипов в русской лингвокультуре. Кроме того, полученные нами выводы необходимо подтвердить более развернутым в количественном отношении материалом.

Список литературы

1. *Би-сообщество*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <https://yandex.ru/search/?text=%D0>
2. *Гей-мир, взгляд изнутри*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <http://gaylife.su/viewtopic.php?t=1057>
3. Горошко, Е. И. (2004). Квир-лингвистика: нужна ли она отечественной лингвистической гендерологии? *Культура народов Причерноморья, Межвузовский центр Крыма*, 54(1), 245–252.
4. *Девочка в теле мальчика. Интервью с моделью андрогином*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <https://luchshee-video.ru/watch/devochka-v-tele-malchika-pr-ma-%22svet%22-intervyu-s-modelyu-androginom>
5. Жеребкина, И. А. (Ред.). (2001). *Введение в гендерные исследования. Часть 1. Учебное пособие*. Харьков: ХЦГИ. Взято 25 июля 2018 с <http://www.nashaucheba.ru>
6. *Истинная женщина в мужском теле: откровения травести-дивы Монро*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <https://clutch.ua/lifestyle/mystory/zhenshhina-v-tele-muzhchiny-otkrovenija-travesti-divy-monro>
7. Першай, А. (без даты). Пространство трансгендера: язык, культура и гегемония пола. *Такава: Такие тексты*, 3. Взято 23 июля 2018 с <http://www.takaya.by>
8. Сараева, Е. (2014). Игра слов: гибкость в нормативных структурах. *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований* (с. 249–266). Санкт-Петербург.
9. Grosz, Elizabeth. (1995). *Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity, Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* (pp. 207–227). New York and London: Routledge.
10. Sedgwick, Eve Kosofsky. (1990). *Epistemology of the Closet* (pp. 67–90). Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

References

1. *Bi-soobshhestvo* [Bi-community]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <https://yandex.ru/search/?text=%D0>

2. *Devochka v tele mal`chika. Interv`yu s model`yu androginom* [A girl in a boy's body. Interview with model androgynous]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <https://luchshee-video.ru/watch/devochka-v-tele-malchika-pr-ma-%22svet%22-intervyu-s-modelyu-androginom>
3. *Gej-mir, vzglyad iznutri* [Gay-world, looking inside]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <http://gaylife.su/viewtopic.php?t=1057>
4. Goroshko, E.I. (2004). *Kvir-lingvistika: nuzhna li ona otechestvennoj lingvisticheskoj genderologii?* [Queer linguistics: whether it is domestic-related?]. *Kul`tura narodov Prichernomor`ya, Mezhvuzovskij centr Kry`ma*, 54(1), 245–252.
5. Grosz, Elizabeth. (1995). *Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity, Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* (pp. 207–227). New York and London: Routledge.
6. *Istinnaya zhenshhina v muzhskom tele: otkroveniia travesti-divy` Monro* [A true woman in a man's body. Revelation transvestite diva Monroe]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <https://clutch.ua/lifestyle/mystory/zhenshhina-v-tele-muzhchiny-otkrovenija-travesti-divy-monro>
7. Pershaj, A. (n.d.). *Prostranstvo transgenera: yazy`k, kul`tura i gegemoniya pola* [Space transgender: language, culture and the hegemony of the floor]. *Takaya: Takie teksty`*, 3. Retrieved July 23, 2018, from <http://www.takaya.by>
8. Saraeva, E. (2014). *Igra slov: gibkost` v normativny`x strukturax* [Pun: flexibility in regulatory structures]. *Na pereput`e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovanij* (pp. 249–266). Sankt-Peterburg.
9. Sedgwick, Eve Kosofsky. (1990). *Epistemology of the Closet* (pp. 67–90). Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
10. Zherebkina, I.A. (2001). *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast` 1. Uchebnoe posobie* [Introduction to gender studies. Part 1. Study Guide]. Xar`kov: XCGI. Retrieved July 25, 2018, from <http://www.nashaucheba.ru>